

НОВАЯ КНИГА ПО ИСТОРИИ ЯКУТСКОГО НАРОДА¹

XVII век был переломным в истории якутского народа — в этом столетии Якутия вошла в состав Русского государства.

Редакция сборника правильно считает основной его задачей показ конкретной истории присоединения Якутии к Русскому государству и положительных результатов этого большого события.

Первая глава «Открытие Якутии русскими и присоединение ее к России», написанная С. В. Бахрушиным, сообщает много новых данных по истории освоения русских территорий Якутии. Так, оказывается, что первым из русских служилых людей проник в 1635—1636 гг. на Яну, а в 1640 г. и на Колыму Селиван Харитофов, имя которого до сих пор почти совсем не упоминалось среди русских землепроходцев XVII в. Очень интересны данные о походе Мартына Васильева и Антона Добрынского, устанавливающие, что на Лену, в область расселения основной массы якутов, русские служилые люди проникли с Вилюя в 1630 г., т. е. раньше походов Ивана Галкина (1631) и Петра Бекетова (1632). Много нового и интересного материала содержит также и описания того, как осваивались Вилюй, Алдан, сама Средняя Лена и т. д.

Недостатком всех этих описаний является то, что они перегружены данными о военных действиях. Надо иметь в виду, что служилые люди были склонны несколько преувеличивать размеры и жестокость своих стычек с местным населением, так как их отписки в значительной части посылались в качестве официальных релихий для представления отличившихся к награде. Наоборот, мирные отношения в известных нам документах находили меньшее отражение, и в целом поэтому картина ранних взаимоотношений с местным населением получалась в значительной степени односторонней. Военные эпизоды в ней преобладали над мирными взаимоотношениями, тогда как в действительности дело обстояло наоборот. Эту особенность источников в рецензируемой книге следовало бы оговорить.

Большая и очень содержательная вторая глава «Коренное население Якутии в XVII веке», как указано в примечаниях к ней, представляет собой в большей своей части сокращенное и переработанное изложение известной монографии С. А. Токарева «Общественный строй якутов в XVII-XVIII вв.» (Якутск, 1945). Оценка этого наиболее крупного труда о хозяйстве, общественном быте и культуре якутов XVII—XVIII вв. уже давалась на страницах «Советской этнографии» (1946, № 2, стр. 218—226).

Наиболее спорным из вопросов, трактуемых во второй главе рецензируемой книги, является вопрос об общественном строе якутов к приходу русских. В предисловии к рецензируемой книге С. А. Токарев высказывает мнение, что «общественное развитие якутского народа перед приходом русских шло в направлении формирования ранне-рабовладельческого строя, и только вхождение Якутии в феодально-крепостническое Русское государство направило развитие якутского общества по иному пути — по пути феодального развития» (стр. 7). С. В. Бахрушин, О. В. Ионова, Б. А. Гарданов и, с некоторыми оговорками, А. П. Окладников считают, что процесс общественного развития якутов еще до прихода русских шел по линии феодализма. Как указывает С. А. Токарев в том же предисловии к рецензируемой книге, «ввиду существующих разногласий по этому важному вопросу, редакция стремилась изложить фактические данные, характеризующие все стороны разложения якутской общины, не высказываясь категорически по спорным вопросам» (стр. 7). Отсутствие определенной точки зрения на общественный строй якутов к приходу русских, конечно, является недостатком рецензируемой книги.

Рассматривая проблему общественного строя якутов, надо всегда иметь в виду, что якутское рабство было патриархальным. С. А. Токарев правильно указывает, что русские застали у якутов «развитый патриархально-родовой, или, лучше сказать, родо-племенной быт», который «уже вступил в фазу своего разложения» (стр. 86). Однако С. А. Токарев, как нам кажется, несколько переоценивает значение и перспективы дальнейшего развития рабства у якутов: ведь, несмотря на наличие патриархального рабства, при известных условиях развитие могло пойти минуя рабовладельческую формацию.

Рецензируемый сборник, как указано в его предисловии, был составлен и отредактирован до выхода в свет труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Надо надеяться, что в дальнейшем историками Якутии будут разработаны на якутском материале такие поставленные И. В. Сталиным проблемы, как феодальная собственность на землю в качестве основы феодализма, товарное производство в докапиталистических формациях и другие.

Не совсем четко решен в рецензируемой книге вопрос о том, что представляли собой якутские «волости» XVII в. Этот вопрос в свое время вызвал дискуссию между С. А. Токаревым и Б. А. Гардановым². На стр. 86 рецензируемой книги С. А. Токарев утверждает, что «волость» была не чем иным, как племенем. На стр. 91 имеется, однако, оговорка, что мелкие волости трудно назвать племенами, что к ним больше подходит наименование «род».

¹ «Якутия в XVII веке (Очерки)». Сборник под редакцией С. В. Бахрушина и С. А. Токарева. Якутское книжное издательство, Якутск, 1953.

² См. «Советская этнография», 1946, № 2, стр. 218—226; 1947, № 1, стр. 216—217.

Нам кажется, что последнее добавление С. А. Токарева по вопросу о том, что представляли собой якутские «волости», правильно. Действительно, большие «волости», состоявшие из ряда родов, правильнее считать племенами, а мелкие волости, часто являвшиеся ответвлениями этих крупных волостей, следует квалифицировать как отдельные роды. Что же касается того обстоятельства, что у якутских племен отсутствовал как будто такой существенный признак племени, как диалект, то надо учитывать, что якуты в XVII в. представляли собой этнографическую группу, сравнительно недавно колонизировавшую новую область. Поскольку все или почти все якутские племена в XVII в. представляли, видимо, разросшиеся ответвления небольшого ядра первоначальных переселенцев³, постольку заметных диалектных различий у якутских племен и не следовало ожидать.

В разделе «Тунгусы в XVII веке в Якутии», который тоже входит во вторую главу, содержится большой интересный материал о тунгусах. Но в этом разделе вызывают сомнения формулировки его автора Н. Н. Степанова о распадении рода на отдельные патриархальные «большие семьи» (стр. 197 и др.). Нам кажется, что патриархальная семья является не только формой разложения, но и формой существования патриархально-родового строя.

Не совсем ясно понимание Н. Н. Степановым рабства у тунгусов. Редакция правильно оговаривает (стр. 194), что у тунгусов рабство было патриархальным. Необходимо также заметить, в противоположность мнению Н. Н. Степанова, что патриархальное рабство, известное имущественное неравенство, более или менее угнетенное положение женщины — все это неотъемлемые признаки патриархально-родового строя.

С интересом читается ярко, с большим проникновением в жизнь эпохи написанная С. В. Бахрушиным третья глава о воеводском управлении Якутией.

Обширный фактический материал об организации ясачного обложения в Якутии, технике сбора ясака, о политике московского правительства в отношении ясачного населения и о борьбе якутов против эксплуататорского ясачного режима сообщает четвертая глава «Эксплуатация коренного населения Якутии царизмом и борьба якутского народа против нее», в основном написанная И. С. Гурвичем.

Следует особо отметить пятую главу рецензируемой книги, посвященную русскому населению Якутии XVII в. (написана С. В. Бахрушиным и молодым якутским историком Ф. Г. Сафроновым). Включение столь важного и притом насыщенного большим фактическим материалом раздела в книгу по истории Якутии является значительным достижением.

Отметим некоторые неточности. В 1689 г. восставшими якутами было взято не Бутальское ясачное зимовье, а лишь зимовье промысловых людей (стр. 39). Постник Иванов поставил зимовье не «за шиверами», а «под шиверами» (стр. 52). Зашиверское зимовье было поставлено значительно позднее. Тунгусский князек Ковыря был убит не в ясачном зимовье в аманатах, а в лесу, в дороге (стр. 199). Сотник Иван Курбатов был осажден не в Анадырском остроге, а по дороге к нему в верховьях Аноя. Осажден он был ходынцами, а выручили его чуванцы. Те и другие были ясачными людьми Анадырского острога, а не из каких-либо других «дальних зимовьев» (стр. 325). Воеводу Глебова звали не Богдан, а Матвей Богданович (стр. 372). В таблице на стр. 262 приведены данные не поступлений ясака, а оклады, которые по большей части не соответствовали фактическим поступлениям ясака.

Недостатком рецензируемой книги является большое количество опечаток, например, при перечислении родов вилюйских якутов на стр. 24, в речах борогонского тойона Книги на стр. 290 и во многих других местах, в частности, в собственных именах, даже в оглавлении.

В заключительной главе подводятся итоги положительным результатам присоединения Якутии к Русскому государству. Авторы этой главы С. В. Бахрушин и С. А. Токарев справедливо отмечают, что «русские принесли в Якутский край более высокую культуру, земледелие, письменность. Через русскую культуру якуты смогли приобщиться к мировой цивилизации, от которой долгое время были оторваны... В XVII веке были также сделаны первые шаги в установлении общности интересов и целей в борьбе трудящихся масс якутского и русского народов за освобождение от экономического и политического угнетения. Эта общность впоследствии все более и более крепла, и она привела под конец к победоносной Революции и к окончательному устранению всех форм гнета над народами Якутии» (стр. 436).

В целом можно констатировать, что рецензируемая книга является ценным вкладом в историческую и в значительной степени также в этнографическую литературу о якутском народе.

Б. Долгих

³ Эта основа якутского народа могла состоять из элементов разного происхождения. Но к тому времени, когда переселенцы прочно обосновались на Средней Лене и стали расширять свою территорию, они, видимо, представляли в этническом и языковом отношении уже нечто целое.